

КОНИЦА

БУ РЪ



Е СЕНИН М АРМЕНЦОВ
Г ЕРАСИМОВО РЕШИН
К ЛЮБОВ ЮРИКИ ВНЕВ

Допрамы
Убамы

Сенсубры
Касубы

С мар ступен
ам блуеку

КОННИЦА БУРЬ.

СТИХИ.

Михаил Герасимов, Сергей Есенин,

Рюрик Ивнев, Николай Клюев,

Анатолий Мариенгоф,

Петр Орешин.

МУК РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА

Ф44-800

А077-164

1920.

МОСКВА.
8-я типо-лит. Полиграф. Отдела Моск. Гор. Сов. Нар. Хоз.
Хациловская, 26. Тел. 24-21 и 42-86.

Марш революций.

Конь революций буйно вскач
Верст миллионы в пространствах
рвы,
Каждый волос хвоста и гривы —
Знамя восстаний, бунта кумач.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы сна-
рядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Свяжем души в один моток,
Буйно пляшет на стягах заря;
Плечи в плечи Запад и Восток,
Брюхо шпорам режь ездок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы сна-
рядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Западу подал Восток знак;
Плечи в плечи, за рядом ряд,
Ровен и грозен шеренг шаг,
Старому на шею петлей кушак.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы сна-
рядов.

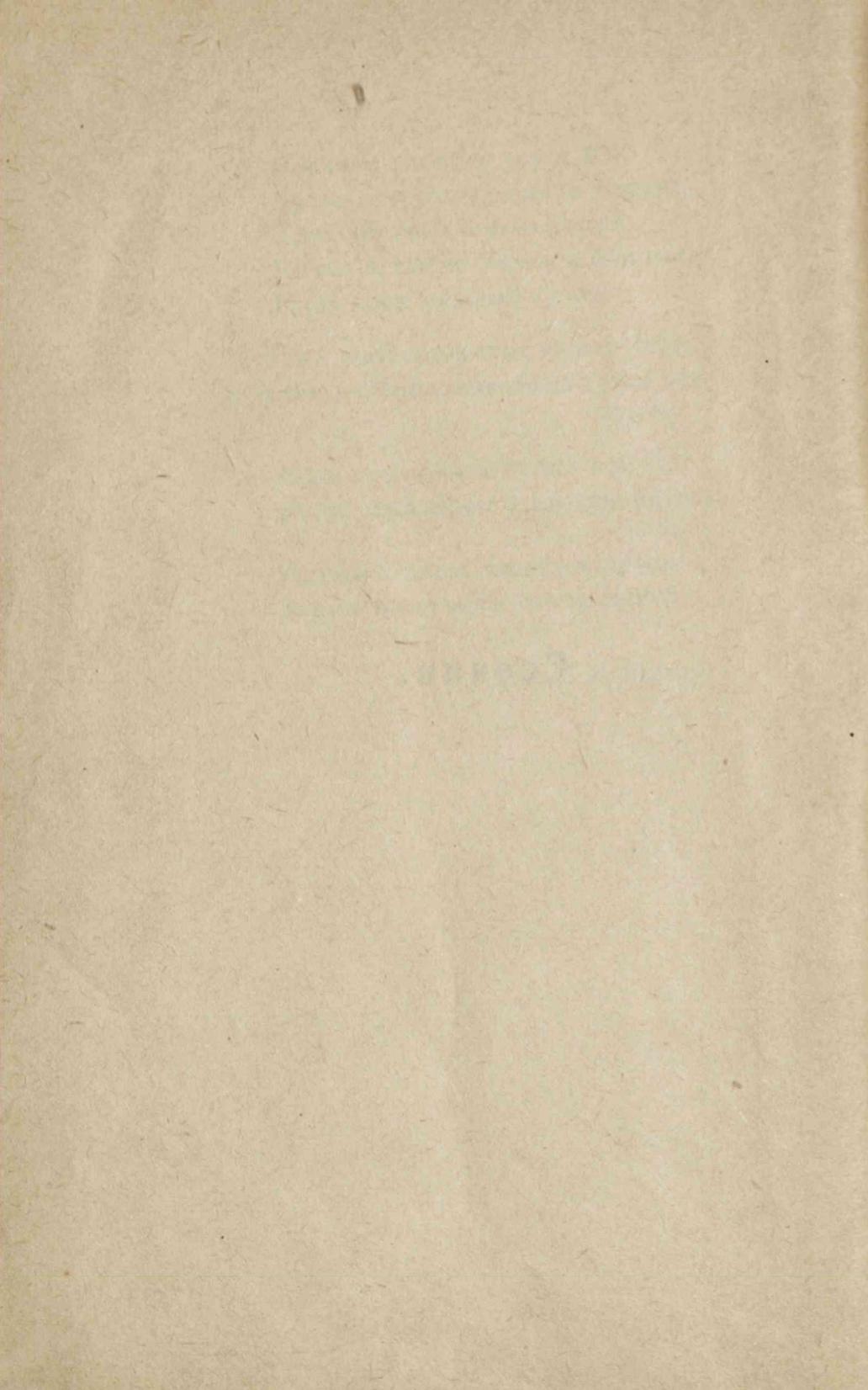
Плечи в плечи Север и Юг,
Вражьему стану свинца плевков,
Ярче костров сердца горят,
Плечи в плечи Запад и Восток,
Бурю воет каждый гудок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы сна-
рядов.

Конь революций буйно вскач,
Верст миллионы в пространствах
рвы,
Каждый волос хвоста и гривы
Знамя восстаний, бунта кумач.

Анатолий Мариенгоф.

Есенин.



Небесный барабанщик.

1.

Л. Н. Старку.

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2.

Если это солнце
В заговоре с ними,—
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.

Если этот месяц
Друг их черной силы,—
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметем все тучи,
Все дороги взмесим.
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3.

Солдаты, солдаты, солдаты,
Сверкающий бич над смерчем.
Кто хочет свободы и братства
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною,
Кому ненавистен туман
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил,—
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламят.

Верьте победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной,
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем и пылью вьюжной,
Таеи облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман,
Наш небесный барабанщик.
Лупит в солнце барабан.

Рюрик Ивнев.

1

Я—человек. Мои живые руки
Гниют в земле, горят в огне.
Нечеловеческие муки
За что Ты посылаешь мне?

Мой позвонок они ведь не исправят
И язвы крови не сожгут.
Лишь истяющий меня, томящий кнут
Они сильнее желанием отравят.

Так человек, сознание сохранив,
Гниет—и видит черной раны стержень
И черных лепестков крутой извив,
И знает, что для ада он труслив,
И что от Бога он отвержен.

2.

Руки ломай. Не поможет.
И на душе—темнота.
Изъявленным белком слепого
Смотрит ночь на меня.

Этот белок, будто стены
Липкой и мокрой тюрьмы,
Что же мне делать над трупом
Шумно зеленой реки?

Руки ломай. Не поможет
Хруст отгоревших костей.
Вечер. Широкое небо.
Люди. Луна. Паруса.

3.

В моей душе не громоздятся горы,
 Но в тишине ее равнин—
 Неистовства безумной Θεодоры
 И чернота чумных годин.

Она сильна, как радуги крутые
 На дереве кладбищенских крестов
 Она страшна, как темная Россия,
 Россия изуверов и хлыстов.

Зачем же я в своей тоске двуликой
 Любуюсь на ее красу?
 Зачем же я с такой любовью дикой,
 Так бережно ее несу?

4.

Волосиков костяной блеск,
 Шум механизма.
 Вот она, черная призма
 Углем тканых небес.

Где же твоя душа?
 В шуме воды протечной,
 В этой ли мгле бесконечной,
 Где атомы ада шуршат?

Червь твоего механизма
 В атоме ада шуршит.
 Вот она, черная призма
 Углем тканной души.

Клюев.

Пусть черен дым кровавых мятежей
И рыщет Оторопь во мраке,—
Уж отточены миллионы ножей
На вас, гробовые вурдалаки!

Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый Божий сад,
Не будет ни ладьи, ни парохода
Для отплытия вашего в гнойный ад.

Керенками вымощенный проселок—
Ваш лукавый искаротский путь;
Христос отдохнет от терновых иголок,
И легко вздохнет народная грудь.

Сгинут кровосмесители, проститутки,
Церковные кружки и барский шик,
Будут ангелы срывать незабудки
С луговин, где был лагерь пик.

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чащи!
Наши юноши—в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.

Город-дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным гневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...
Не забыть, как с детьми отцы
И с невестою милый прощались...

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
В золотой, победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово—красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.

Февраль.

Двенадцать месяцев в году,
Посланец бурь—Февраль;
Он полуночную звезду
Перековал на сталь.

И сталь поет ясна, остра,
Как половодный лед.
Не самоцветов ли гора
Из сумрака встает?

То огнепальное чело,
Очей грозовый пыл
Того кто адское жерло
Слезюю угасил.

Чей крестный пот и серый кус
Лучистой купины.
Он воскрешенный Иисус,
Народ родной страны.

Трепещет ад гвоздиных ран,
Тернового чела...
В глухой степи, где синь-туман,
Пылают купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли град.
Многоплеменный каравай
Поделят с братом брат:

Литва—с кряжистым Пермьяком,
С Карелою—Туркмен;
Не сломят штык, чугунный гром
Ржаного Града стен.

Не осквернят палящий лик
Свободы золотой...
Красноголосый вечевик,
Ликуй, народ родной!

Алмазный плуг подымет ярь
Волхвующих борозд.
Овин—пшеничный государь
В венце из хлебных звезд.

Его сермяжный манифест—
Предвечности строка...
Кто пал, неся кровавый крест,
Земля тому легка.

Тому овинная свеча,
Как Спасу, зажжена...
Моря мирского калача
Без берега и дна.

В них погибают корабли:
Неволя, Лихо, сглаз,—
То Царь Морской—Душа Земли—
Свершает брачный пляс.

Петр Орешин.

Вперед.

Из мысли кованное слово
Все ж „продвигается вперед“...
Трубой вонзается багрово
Глухою полночью завод.

Идут со всех сторон Вселенной
За вестью огневая весть.
Отрадно стяг наш неизменный
Над Миром взорванным вознесть!

Несут отчаянно и яро
Вперед—на подвиги—Слова.
Отныне нет земли, как шара,
Но есть единая Москва!

Стегни коня, пришпорь покруче,
Пусть кровь, пусть боль, и снова—
кровать...
Сынов отважнейших и лучших,
На бой идущих не злословь!

Не штык, но мысль разит твердьми
Веков прогнивших! Глянь вокруг:
Упало Солнце с тверди синей
В миллионы вытянутых рук!

Молись и радуйся, сгорая.
На эти в бурях города!
Верь: революция такая
Не повторится никогда!

Тут Мысль и Творческое Слово,
Тут грозных сил водоворот.
С ружьем из плена векового
Выходит празднично Народ.

Пусть кровь, пусть боль, пусть блещут
взмахи.

Штыков, и пусть остры Слова,—
Лежит покорная на плахе
Времен проклятых голова!

В деревне.

Праздник свободной Руси
Голубем сел на ветлу.
Новую дождь моросит
Весть голубому селу.

Лихо взрывает печаль
Новой гармоникки звоц.
Песню разгульную даль
Ловит, как птицу, в полон.

Будто, родился я тут,
Вырос над хатой ветлой.
Вечер в задумчивый пруд
Глянул вечерней звездой.

Новой гармоникки лад
Ладит заливчато новь...
Месяц за вишневый сад
Выгнул высокую бровь.

* * *

Крепко слушают околицы
Вольной Воли грозный клич.
Рожь некошенная клонится
Слово новое постичь.

— Гей, вы птахи бездомовые,
Гей вы, соколы без крыл,
Буйных ветров крылья новые
День вам новый подарил.

— Камни золота тяжелого,
Спесь царя у ваших ног.
Я кладу на ваши головы
Снятый с месяца венок!

Ухом туча с неба свесилась,
Бельма выпучила мгла!
Зорный стяг под хатой весело
Степь родная подняла!

* * *

Грудью простреленной вышел
Месяц над новой Русью,
Стяги Свободы над крышей,
Точно в озерах гуси.

Сжал огневými руками
Землю мужик-Микула.
Волга широкая Каме
Бельмами Стеньки мигнула.

Глянул за пашни-поёмы:
Пахарь с винтовкой в поле!
Весело дню голубому
Петь грозовую Волю.

Ветер шумит по крову,
Только печаль не спрячешь:
Русь запрягается в Слово,
Будто ленивая кляча!

Михаил Герасимов.

Скворцы.

Звенят леса листвою текучей,
Леса—червонные дворцы.
Над ними переливной тучей
Повисли пьяные скворцы.

Вот сели у столба на струны,
Зовут под солнце южных мест.
На жнивий—золотые дюны
Столб бросил потемневший крест.

Вот с проводов упали четки
И снова тают в синеве,
Лишь тень таинственно и кротко
Ползет по высохшей траве.

Звените вольными крылами!
Сквозь слезы я смотрю в лазурь,
И хочется взмахнув за вами
Умчатся от осенних бурь.

Лети душа в простор нездешний,
Где тает зной, цветет трава.
А здесь—качается скворешня
На пике, будто голова.

Осень.

Вот осень в шорохах и звонах
Тоскливо бродит по селу,
По перелескам красных кленов
Туман мохнатый зыбит мглу.

Рябин зализывает раны
И умирающих берез.
Он окровавил лапы рдяно
О раны листопадных лоз.

Осенний вечер горько сгорбил
Коленопреклоненный сад,
И сколько неизбывной скорби
В соломенных морщинах хат.

Кадимый клубами тумана
Осин рыдает хоровод.
Лиш ярко на груди кургана
Веселый искрится завод.

Природа всхлипывает тихо
Над блеклой плащаницей нив,
А он посвистывает лихо
Багрянца шапку заломив.

Грозит во тьме трубы высокий
Железомускульный кулак,
Вагранок огненные щеки
Зыбучий раздувает мрак.

Как ярки золотые брони,
Как бодро льется стали звон,
Как пламенна на черном фоне
Резьба сияющих окон.

Огнем труда сердца согреты
Все мускулы волнует дрожь,
Как ветерок горячим летом
В полях животворящих рожь.

Пускай туман клубится зыбкий,
Печаль полей ползет без сил,
Мы видим—огненной улыбкой
Завод ненастье опалил.

Мариенгоф.

Как пилами пополам брёвна
Последней любви плоть,—
Не хочу революции бескровной
Всаживать штык в тряпко.

Пожаров обнаженные дёсна,
Пепел по ветру—лафа!
Тысячелетья крушу, как Давид Голиафа
Камушком молниеносным.

Веду в рукавицах ежовых
Времени вперед мотоцикл,
А город гаубицами изжеван
И, как выбитые зубы, торцы.

Будем капища старых вер жечь,
К итогам подводить нулевым—
Революция огненный стержень
На котором и я и вы.

Этих бурь ломовая лошадь
Прёт червонной зари кули,
Что-ж оденем на души калоши
И в калошах по крови земли.

Не всегда же визжать кликушей
Остроскулый тебе Восток,
От громового коклюша
Только злее красный щенок.

С каждым днем все железней, все тверже
Горбылевые наши вы,—
Революция огненный стержень
На котором и я и вы.

1925
1-50

17-50
702693/570

M. T. A. X. C.

Обложка художника
Василия Камарденкова.

Пятнадцать руб.